

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

НИНА ФЕОКТИСТОВА

БЫВШИЕ

Тайна ПОД СЕРДЦЕМ

Нина Феоктистова

Бывшие. Тайна под сердцем

«Автор»

2026

Феоктистова Н.

Бывшие. Тайна под сердцем / Н. Феоктистова — «Автор», 2026

Одно сообщение , которое Таисия увидела в телефоне мужа , разрушило пять лет идеального брака. «Милый, у нас будет дочь». Увидев это сообщение, она не стала устраивать скандалов. Она просто исчезла, оставив записку с требованием развода и навсегда заблокировав номер Макара. Она была уверена, что их история закончена. Но судьба преподносит жестокий сюрприз: уже в другом городе Таисия понимает, что беременна от мужа . Спустя два года бывшие супруги случайно сталкиваются на общем празднике. Он — один. Она — с маленьким сыном, который так похож на своего отца. Сможет ли тайна , которую она скрывала все это время, стать началом новых отношений или навсегда останется камнем преткновения между ними?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Нина Феоктистова

Бывшие. Тайна под сердцем

Глава

Глава 1.

Я любила наши семейные утра.

За окном был хмурый день , по карнизу барабанил привычный октябрьский дождь, а на кухне пахло свежими круассанами и сваренным в турке кофе. Макар возился у плиты, и от этого зрелища у меня внутри разливалось такое тепло, будто я сидела у камина.

— Тай, просыпайся, соня, — он поставил передо мной чашку и чмокнул в макушку. — Сегодня я сварил особенный напиток . С карамелью, как ты любишь.

— А что за повод? — я потянулась, кутаясь в его большую толстовку, которую стянула с вешалки в его гардеробной. За пять лет брака мы так приросли друг к другу, что даже личные вещи стали общими, привычки — одинаковыми.

— Повод — это то, что ты у меня есть, — он улыбнулся, и я в очередной раз поймала себя на мысли, что мне невероятно повезло с мужем . Макар был тем, кого называют «каменной стеной». Спокойный, рассудительный, с легкой сединой на висках, которая делала его безумно привлекательным для противоположного пола.

Я смотрела, как он собирается на работу, как поправляет галстук, проверяет, на месте ли документы и ключи от машины.

— Макар, — позвала я его тихо. Он обернулся. — Я сегодня к врачу записалась.

Он замер на секунду. Я знала, о чем он подумал. За пять лет попыток забеременеть он уже знал , что это означает.

Он подошел, сел на подлокотник кресла и обнял меня за плечи, нежно прижимая к себе .

— Таисия , послушай меня . — Его голос звучал мягко, успокаивающе , он всегда так со мной разговаривал , когда говорили на эту тему. — Если это случится и у нас будет ребенок , это будет хорошо. А если нет... Что жнам же хорошо вдвоем, правда? Главное , мы есть друг у друга. Мы же еще не старые , нужно не терять надежду и на время отпустить сутиаию.

Я кивнула, проглатывая горький ком в горле. Он был прав. Нам действительно было хорошо вместе .Каждый из нас много работал , достигнув успехов на карьерной лестнице ; мы очень много путешествовали , привозя оттуда дурацкие магнетики на холодильник. По идее, этого должно быть достаточно. Я убеждала себя в этом каждый месяц, когда тест показывал одну полоску.

— Я так люблю тебя, — сказала я, зарываясь носом в его пиджак, вдыхая знакомый запах парфюма.

— И я тебя, — он поцеловал меня в макушку . — Вечером закажем пиццу и включим тот старый фильм, который ты давно хотела посмотреть. Договорились?

— Договорились.

Он ушел. Я допила кофе, собралась и поехала в клинику. Очередной осмотр , стандартные вопросы врача, сдача анализов. Все , как всегда. Врач говорила про то , что «нужно про-бовать дальше» и «не отчаиваться», но я уже просто кивала и улыбалась, пропуская эти слова мимо ушей.

Вернулась домой раньше, чем планировала. В прихожей было темно, пахло его парфюмом, который еще не выветрился. Я разулась и тут заметила на тумбочке его телефон.

Макар был человеком очень педантичным. Он никогда ничего не забывал. А тут вдруг оставил рабочий телефон. Странно. Я взяла его в руки, машинально нажимая на дисплей ,

чтобы посмотреть время. Экран загорелся синим цветом, и тут вдруг высветилось уведомление о входящем сообщении

Оно пришло с телефона, на аватарке которой была красивая молодая женщина с длинными светлыми волосами.

Я не хотела читать его. Правда. Я вообще не из тех людей, кто лазит по чужим телефонам. У нас всегда стояли пароли, мы знали их теоретически, но никогда не проверяли друг друга. Доверие было фундаментом нашего брака.

Но это сообщение привлекло мое внимание. Оно состояло всего из нескольких слов, но зато каких!!!

«Милый, я сегодня сходила на УЗИ. Представляешь, у нас будет дочка»

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле, заглушая все звуки. Экран телефона погас. Я снова нажала на кнопку. Палец не слушался, дрожал. Телефон запросил пароль.

Я знала его пароль. Он был у него везде одинаковый — дата его дня рождения.

Я ввела его и окно с их переписками открылось. Сообщений было очень много. Я пролистывала навверх, и строчки заплесали перед глазами, сливаясь в один сплошной кошмар.

«Как ты себя чувствуешь?» — это писал Макар.

«Скучаю, приезжай скорее» — это писала она.

«Люблю тебя» — это писал Макар.

Они обсуждали, какое имя дадут девочке. Вот она показывала коляски. Было много фото ее округлившегося живота, а он ей писал: «Ты самая красивая, тебе очень идет быть беременной».

Телефон выпал из рук и глухо стукнулся об пол.

Я стояла посреди прихожей и смотрела в никуда. В голове стоял шум. Странно, но я не плакала, хотя сердце просто разрывалось от боли. Во мне что-то оборвалось и на меня накатило странное, ледяное спокойствие.

«Нам же хорошо вдвоем, правда?» — эхом отдавались его утренние слова в моей голове. Конечно правда.

А еще видимо ему хорошо там, с другой женщиной, где их скоро станет трое.

Я не помню, как прошла в спальню. Как достала свой чемодан. Собирала вещи механически: джинсы, свитера, документы, косметичка. Главное, стараться не думать ни о чем. Главное, не остановиться на полпути.

Потом я села за его письменный стол, где стоял наш общий ноутбук, и на листке бумаги написала несколько слов.

«Макар, ты можешь подавать на развод сам. Я не приду в суд, делить нам нечего, детей у нас нет, так что разведут нас быстро. Не ищи меня».

Я смотрела на этот текст и чувствовала, как внутри все переворачивается. Вдруг накатило понимание того, что я только что поймала своего мужа на измене. Узнала что у него скоро родится маленький ребенок. Что наш брак закончился после пяти лет.

Закончив сбор вещей, я оделась и вызвала такси до железнодорожного вокзала. Там купила билет на первый же поезд до Москвы, а потом из Москвы в Новосибирск. Там жила моя сестра и она давно звала меня в гости. Хотелось уехать подальше, чтобы не было соблазна вернуться назад.

Когда поезд тронулся, я достала телефон и, не давая себе времени передумать, добавила его номер в черный список. Потом во всех мессенджерах и во всех соцсетях.

За окном проплывали огни города, который я считала когда-то родным. Я прижалась лбом к холодному стеклу и впервые за этот вечер дать волю своим слезам. Они текли молча, капая мне на грудь.

Только я не знала, что самое страшное открытие ждет меня еще впереди. Что через месяц, когда я упаду в обморок прямо на рабочем месте, я куплю тест, который покажет две полоски.

Я не знала, что внутри меня уже поселилась новая жизнь, ребенок от человека, который строил счастье с другой за моей спиной. И я поклянусь себе, что он никогда об этом не узнает.

Вот вариант второй и третьей глав, продолжающих историю Таисии.

Глава 2.

В Новосибирск я приехала поздно вечером. Здесь было очень холодно. Не так, как в Питере, а по-настоящему, по-сибирски промозгло. Колючий ветер бросал в лицо пригоршни снега, который тут же таял, превращаясь в противную изморось. Но когда я увидела на перроне поезда знакомую фигуру в пушистой шапке, мне стало немного теплее.

Агата. Моя старшая любимая сестра. Мы были с ней совершенно разными: она — высокая, шумная, энергичная, с горящими глазами и громким смехом. Я же всегда была более сдержанная, домашняя, везде ищущая тишину и покой. Мама говорила, что мы как огонь и вода. Но вода тушит огонь, а огонь нагревает воду, так что мы идеально дополняли друг друга.

— Тая! — закричала она еще издали, расталкивая прибывших пассажиров. — Боже мой, ты чего такая бледная? Два дня в поезде провела бедная, это же кошмар! Пошли скорее домой, я ужин приготовила.

Она обняла меня так крепко, что затрещали ребра, и, не задавая лишних вопросов, потащила к выходу. Моя сестра всегда чувствовала, когда нужно говорить, а когда — просто молча побыть рядом.

Её квартира находилась в старом кирпичном доме недалеко от центра города. Внутри было тепло и уютно, пахло вкусной выпечкой борщом. Рыжий пушистый кот по кличке Цезарь тут же принялся тереться о мои ноги, призывая взять его на ручки и почесать между ушами.

— Раздевайся, мой руки и садись за стол, — скомандовала сестра, скрываясь в комнате.

Я послушно стянула пальто и прошла в ванную, а затем на кухню. В маленькой кухоньке было особенно жарко. На плите стоял борщ, на столе дымились картошка и стояла тарелка с домашними соленьями. Агата хлопотала у плиты, и от этих простых движений постепенно спадало напряжение, которое поселилась в моей душе в последние сутки.

— Ну, давай, рассказывай, — она поставила передо мной тарелку и села напротив, подперев щеку рукой. — Что у тебя стряслось? Ты же только что в голос мне по телефону не рыдала, видимо тебя лишь сдерживало то, что в поезде люди. Вижу же, что у тебя лицо, как у побитой собаки.

Я смотрела в тарелку с дымящимся супом и не знала, с чего начать. Слова застряли в горле колючим комом, который я старательно пыталась сглотнуть и никак не получалось.

— Макар мне изменил, — выпалила я на одном дыхании. — У него другая женщина. И она... она от него беременна.

Тишина повисла такая, что стало слышно, как урчит Цезарь, доедающий что-то в своей миске. Агата смотрела на меня, не моргая. Её лицо медленно преображалось: сначала на нём читалось непонимание, потом — шок, а следом вспыхнул праведный гнев.

— Чего? — переспросила она тихо. — Ты в этом уверена? Может, это какая-то ошибка? Макар? Твой Макар, который пылинки с тебя сдувал и надышаться на тебя не мог?

Я горько усмехнулась.

— Именно так. Мой любимый и как мне казалось верный Макар утром сварил мне кофе с карамелью и сказал, как сильно меня любит. А днем я увидела его переписку с какой-то женщиной, которая присылала ему фотографии своего беременного живота, и сообщила, что скоро он станет отцом маленькой дочки.

Я рассказала ей всё по-порядку. Про телефон, забытый на тумбочке. Про сообщения, которые я увидела и прочитала. Про то, как они обсуждали имена для дочки, как выбирали коляски, какие он писал ей нежные слова о любви.

Агата слушала молча. Её глаза налились кровью, скулы заострились. Когда я замолчала, она резко встала, чуть не опрокинув стул.

— Вот же мразь! — сказала она так громко, что Цезарь пулей вылетел из кухни. — Какой же он козел! Тая, прости, но твой муж — урод! Мало того, что он тебе изменял, так еще и ребенка ... этой заделал. А ты? Ты же лечилась от бесплодия пять лет! Пять лет ты бегала по этим клиникам, анализы сдавала, убивалась, что не получается! А он, оказывается, в это время, в другом месте решил стать отцом!

— Агата, можно тише, — попросила я, чувствуя, как от её крика начинает раскалываться голова.

— Не буду я тише! — она заметалась по кухне. — Он же тебя за дуру держал! У него, оказывается есть женщина, с которой он завел ребенка, понимаешь?! Каков наглец! И ты просто так уехала, не выяснив все до конца? Просто собрала чемодан и ушла? Надо было ему морду всю расцарапать на прощание!

— Я просто не хочу его больше видеть, — тихо сказала я. — Я оставила ему записку, чтобы он подавал на развод сам.

Агата остановилась, посмотрела на меня, и её гнев вдруг сменился острой жалостью. Она снова подошла, села на корточки рядом со мной и взяла мои руки в свои.

— Дурочка ты моя, — сказала она уже совсем другим, мягким голосом. — Как же ты одна это пережила? Да еще два дня в поезде с этими мыслями ехала?

Я не выдержала. Слезы, которые я сдерживала все это время, хлынули водопадом. Я разрыдалась, уткнувшись лбом в плечо сестры, а она гладила меня по голове и шептала:

— Поплачь, моя хорошая, поплачь. Здесь можно. Здесь никто не увидит. Выплачь всю свою боль. А завтра будем думать что будем делать дальше. Ничего, не пропадем.

Я проплакала, наверное, целый час. Агата напоила меня чаем с мятой и уложила на диван в гостиной, укрыв тяжелым шерстяным пледом. Я лежала, глядя в потолок, и слушала, как за окном воет ветер. Мы не говорили больше о Макаре. Сестра рассказывала о своей работе, о новом мужчине (она два года как развелась), о коте, который опять подрался с соседским. Её голос действовал как успокоительное, и я провалилась в тяжелый сон.

Два дня пролетели как в тумане. Агата уходила на работу, а я бродила по квартире, как тень. Помогало только одно — я заставляла себя двигаться. Мыла полы, перебирала вещи, вытирала пыль. Руки должны были быть заняты, чтобы голова не взорвалась от мыслей, так всегда говорила моя мама.

Я не включала телефон. Вообще. Боялась, что увижу смс от него с какогонибудь номера (старые-то я заблокировала), или, что еще хуже, не выдержу и позвоню ему сама что бы спросить: «За что ты так со мной?». Я знала, что если услышу его голос, сломаюсь и разревусь. А унижаться перед ним было нельзя.

На третий день утром Агата собиралась как обычно на работу. Она красила ресницы перед зеркалом в ванной, а я пила кофе на кухне. Внезапно зазвонил её телефон. Он лежал на тумбочке, рядом с ключами, в прихожей.

— Тай, глянь, кто там! — крикнула она из ванной. — Если это начальник, скажи, что я уже вышла!

Я лениво встала, взяла телефон и глянула на экран. Сердце пропустило удар, а потом провалилось куда-то вниз, в ледяную бездну. На экране горело имя: «МАКАР».

Я застыла. Трубка вибрировала в руке, и этот звук казался таким громким, он просто оглушал.

— Тай, кто там? — Агата вышла из ванной, вытирая руки полотенцем. Увидев мое лицо, она все поняла. — Это он?

Я молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Агата подошла, выхватила у меня телефон, посмотрела на экран. В её глазах мелькнуло что-то злое, она уже открыла рот, чтобы ответить на вызов и высказать наверное все, что думает о нем. Но потом она перевела взгляд на меня и замерла.

Я стояла бледная, как стена. Мне казалось, еще секунда — и я упаду в обморок.

— Ответь, — прошептала я одними губами. — Просто ответь.

Агата колебалась. Телефон продолжал звонить. Наконец, приняв решение, она нажала на кнопку ответа и поднесла трубку к уху, но ничего не сказала. Послушала секунду что говорят на том конце, а потом молча, с каменным лицом, протянула телефон мне.

Я взяла его дрожащей рукой и прижала к уху.

В трубке стояла тишина. Слышно было шум на улице и его дыхание. Я молчала, не в силах выдать ни звука. А потом я услышала его голос. Уставший, хриплый, и такой далекий... Он сказал мне всего три слова.

— Прости, если сможешь.

Короткие гудки, я даже не успела сказать что-нибудь в ответ. Он уже положил трубку.

Я стояла посреди прихожей, сжимая в руке телефон сестры, и смотрела в одну точку. Он просил прощение, даже не отрицая что виноват. Не просил вернуться и выслушать его. Он даже не оправдывался. Он просто констатировал факт, что нашей семьи больше не существует.

Я медленно разжала руку. Агата стояла рядом, готовая в любой момент подхватить меня.

— Тай... — начала она осторожно.

Я покачала головой и, не говоря ни слова, прошла в комнату, упала на кровать и зарылась лицом в подушку. Мне казалось, что из меня вынули сердце. Мне было так больно, что казалось, будто дышать стало почти невозможно — каждый вдох давался с трудом, словно воздух был густым и тяжелым. В голове крутились обрывки фраз, сказанных минуту назад, и от них жгло внутри ещё сильнее. Я сжала подушку руками, пытаясь унять дрожь, но тело не слушалось — оно жило какой-то своей, отдельной жизнью, наполненной только этой невыносимой болью.

Я плакала о том, что пять лет брака оказались ложью. О том, что мужчина, которого я считала своей судьбой, оказался предателем. О том, что где-то там, в Питере, у него скоро будет другая семья и ребенок от другой женщины. И о том, что я, наверное, никогда не смогу его простить.

Агата зашла через час. Она молча села на край кровати, погладила меня по спине и поставила рядом стакан воды и таблетку успокоительного.

— Выпей, — тихо сказала она. — Время лечит. Скоро будет легче.

Я не ответила. Я просто лежала и смотрела в одну точку, понимая, что моя прежняя жизнь кончилась. Окончательно и бесповоротно.

Глава 3.

Месяц пролетел почти незаметно. Точнее, не пролетел — протек сквозь пальцы, как холодная вода. Я жила на автомате: вставала, завтракала, делала что-то по дому, ложилась спать. Агата сначала смотрела на меня с тревогой, но потом, видя, что я не собираюсь вскрывать вены, немного успокоилась.

— Так, дорогая, — заявила она однажды вечером, войдя в комнату с победным видом. — Хватит киснуть. Завтра идёшь со мной.

— Куда? — без особого энтузиазма поинтересовалась я.

— На собеседование. Моя знакомая ищет администратора в свою стоматологию. Работа не пыльная, зарплата нормальная, коллектив женский. То, что тебе сейчас нужно.

— Агата, я не...

— Ты не хочешь, я знаю, — перебила она меня.

— Но сидеть взаперти и жалеть себя не вариант, понимаешь ? Тебе нужно отвлечься, Тая. Нужно наконец-то встать с дивана, начать общаться с людьми, думать о чём-то другом , кроме того, какой Макар козёл. Соглашайся, тем более я уже согласилась , сказала что ты завтра к ним придешь.

Я вздохнула, но спорить с ней не стала. Сестра была права. Я уже начинала сходить с ума от бесконечного лежания и грустных мыслей.

На следующий день я привела себя в порядок, надела единственный приличный костюм, который удалось запихнуть в чемодан, и поехала на собеседование. Клиника оказалась современной, светлой, с приветливым персоналом. Женщина, которую звали Ирина Сергеевна, которая встретила меня на репсейшене , оказалась той самой знакомой Агаты. Она окинула меня внимательным взглядом, задала пару вопросов и после сказала:

— Выходите в понедельник на работу. Научитесь всему на месте.

Так у меня появилась работа.

Поначалу было очень тяжело. Нужно было улыбаться , отвечать на звонки, записывать пациентов на приём, разбираться с мелкими проблемами . Однако со временем я втянулась. Дни больше не сливались в серую массу — в них появились хоть какаято структура. А вечерами я валилась с ног от усталости и засыпала почти мгновенно: без слёз, без мыслей, без воспоминаний.

Я почти перестала думать о Макаре. Почти.

И всё было более или менее сносно ровно до того момента, пока однажды утром я не зашла в «Госуслуги», чтобы оплатить штраф за просроченные водительские права.

В разделе «Заявления» висело новое уведомление.

Я открыла его и прочитала: «Заявление о расторжении брака принято к рассмотрению. Судебное заседание назначено на...»

Дальше я уже не смотрела. Телефон выпал из рук и с глухим стуком приземлился на пол. Я смотрела в одну точку перед собой, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую болезненный узел.

Он подал на развод. Так быстро... Даже не поговорив и ничего не объяснив . Неужели за пять лет брака я этого не заслужила ? Он наверное никогда меня не любил

— Тай? Ты чего там застыла? — Агата заглянула в комнату, на ходу жуя бутерброд. — Что-то случилось?

Я молча подняла телефон и протянула ей. Сестра посмотрела в открытую вкладку и её лицо мгновенно окаменело.

— Вот же ... — выдохнула она. — Быстро он. Даже не позвонил больше ни разу.

— А зачем? — голос прозвучал глухо, будто не мой. — Он всё давно для себя решил. Он выбрал ту женщину , . Новая семья, скоро дочка родится. А я... я просто жена, которую как можно быстрее перевести в статус «бывшая жена».

Агата хотела что-то сказать, но только тяжело вздохнула и промолчала. Потом подошла и очень крепко обняла меня. А я стояла как истукан и чувствовала, как предательски щиплет в носу. Я же поклялась себе, что больше не буду плакать из-за него. Никогда. Но обещания давать легко, а выполнять их, когда внутри всё горит огнём, иногда невозможно.

Следующие дни я ходила сама не своя. Работа превратилась в пытку: я улыбалась пациентам, отвечала на вопросы, а в голове крутилось одно: « Скоро нас официально разведут и я стану свободной женщиной . Свободной от человека, который пять лет делал вид, что любит меня».

Аппетит пропал окончательно. Еда казалась безвкусной, я заставляла себя проглотить хоть кусочек, но желудок протестовал. К тому же меня начала мучить тошнота, особенно по утрам. Я списывала это на нервы, на постоянное напряжение, на недосып. Агата подливала мне чай с мятой, поила ромашкой, но легче не становилось.

В то утро я чувствовала себя особенно паршиво. Кружилась голова, перед глазами всё плыло, а к горлу постоянно подкатывала тошнота. Но я, как обычно, пошла на работу. Не могла же я подвести Ирину Сергеевну, которая и так сделала мне одолжение, взяв на работу без опыта.

День тянулся просто бесконечно. Я старалась не делать резких движений, пила только воду, но легче не становилось. Ближе к обеду, когда заполняла карточку очередного пациента, я вдруг почувствовала, что комната резко поплыла перед глазами. Мутная пелена заволокла всё вокруг, а потом наступила темнота.

Очнулась я на кушетке в кабинете врача. Надо мной склонились испуганные лица Ирины Сергеевны и медсестры.

— Таечка, ты как? — всплеснула руками Ирина Сергеевна. — Ты нас так напугала! Стояла, писала и вдруг раз и упала! Хорошо, хоть медсестра мимо проходила, подхватить успела.

— Голова закружилась, — прошептала я, чувствуя дикую слабость во всём теле.

— Это мы уже поняли, — женщина покачала головой. — Давно ты у врача была? Давно обследование проходила? Может, у тебя давление скачет?

Я открыла рот, чтобы ответить, но меня снова замутило. Резко, сильно, до спазмов в горле. Медсестра вовремя подставила какую-то ёмкость.

— Тааак, — протянула Ирина Сергеевна, многозначительно переглянувшись с медсестрой. — Голова кружится, тошнит, в обморок упала... Ты, милая, давно тест на беременность делала?

Я уставилась на неё непонимающим взглядом. А потом до меня дошло.

Тест? Какой тест? Я же не могу иметь детей ... Я лечилась от бесплодия пять лет, и все попытки были тщетны. Макар тогда говорил, что если у нас не получается, значит не надо, вдвоем проживем...

Но внутри уже шевельнулась надежда. А вдруг?

Вечером, когда я, трясущаяся и бледная, вернулась домой, Агата выслушала мой сбивчивый рассказ и посмотрела на меня долгим и внимательным взглядом.

— Сиди здесь, — скомандовала она и убежала в аптеку.

Вернулась через полчаса с пакетом, в котором лежали три теста разных фирм.

— На, — сунула мне их в руки. — Иди делай. Я подожду тебя тут.

Я заперлась в ванной. Руки дрожали так, что я с трудом распечатала коробку. Пять лет надежд, пять лет разочарований, пять лет слез. Я уже почти привыкла к этому. Я уже почти смирилась.

Я сделала всё, как написано в инструкции, и положила тест на край раковины. Минута ожидания растянулась в целую вечность.

Я смотрела на маленькое окошко и не могла отвести взгляд. Сначала проявилась одна полоска. Первая. Я зажмурилась, боясь смотреть дальше. А когда открыла глаза...

Вторая полоска. Бледная, едва заметная, но она была. Определённо была.

Я замерла, боясь дышать. Потом схватила второй тест. Потом третий. Руки тряслись всё сильнее, но результат был один и тот же.

Две полоски.

Я беременна.

— Тая? — раздался из-за двери голос Агаты. — Ну что там? Ты жива?

Я открыла дверь и вышла. В руках у меня были все три теста с одинаковым результатом.

Агата посмотрела на них, потом на меня, и в её глазах отразилась целая гамма чувств: от шока до неверия.

— Тай... Это что... Это правда? — прошептала она.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. В голове была абсолютная пустота. Беременная. Я, которая пять лет не могла забеременеть, — беременна. От человека, который предал

меня. От человека, у которого скоро будет ребенок от другой женщины. От человека, который только что подал на развод.

Агата сглотнула.

— Ты... Ты скажешь ему?

Эти слова вывели меня из ступора. Я подняла на неё глаза и покачала головой. Медленно, но очень уверенно.

— Нет, — голос прозвучал твёрдо, как никогда. — Нет. Он счастлив в своих новых отношениях. У него там скоро родится дочка. Ему не нужен ещё один ребёнок. Тем более от меня.

— Но, Тай, это же его ребёнок! Он имеет право знать!

— А я имею право не унижаться перед ним, — отрезала я. — Представляешь эту картину? Я звоню ему и говорю: «Привет, ты подал на развод, я увидела. Так вот, у меня для тебя новость — я беременна от тебя». И что будет дальше? Он будет разрываться между двумя женщинами? Бросит ту, с кем сейчас, ради чувства долга? Или предложит мне сделать аборт, чтобы не мешать его новому счастью? Нет, Агата. Я не буду никому ничего доказывать и не буду никому навязываться. У меня есть гордость.

Агата молчала, переваривая мои слова. Потом осторожно взяла меня за руку.

— А ты сама как? Одна справишься?

Я посмотрела на свой пока ещё плоский живот, прикрытый бесформенным свитером, и впервые за долгое время почувствовала что-то еще, кроме боли. Это чувство было такое теплое, очень хрупкое. Там, внутри, уже билось крошечное сердечко. Мой ребенок. Мое продолжение.

— Справлюсь, — сказала я, и впервые эти слова прозвучали не как пустое обещание, а как твёрдое и осознанное решение. — Это мой ребёнок. Только мой. И он никому не нужен, кроме меня. Особенно там, в его новой, счастливой жизни. Там ему нет места.

Агата смотрела на меня и, кажется, наконец поняла, что спорить со мной бесполезно.

— Ладно, — выдохнула она. — Тогда нам нужно готовиться к родам. Нужно наладить питание, теперь тебе надо есть за двоих. Записаться на прием к врачу, потихоньку покупать детские вещи... Ты не одна, слышишь? Я с тобой.

Я обняла её, уткнувшись носом в плечо. Плевать на Макара. Плевать на развод. Плевать на всё. У меня будет долгожданный ребёнок. И я сделаю всё, чтобы он был счастлив.

Даже если ради этого придётся навсегда вычеркнуть его отца из нашей жизни.

Вот четвертая глава, продолжающая историю Таисии с того момента, на котором мы остановились в третьей главе.

Глава 4.

Документы пришли в середине ноября, когда за окнами квартиры уже вовсю кружил первый настоящий снегопад. Я как раз вернулась с работы — уставшая, но довольная, с пакетом мандаринов в руках. Хотелось праздника, хотя бы маленького, хотя бы в виде запаха цитрусовых на кухне.

Агата встретила меня в прихожей. Молча протянула белый конверт с гербовой печатью.

— Это тебе. Из суда.

Я замерла, всё ещё держа в руках мандарины. Сердце пропустило удар, а потом забило ровно и спокойно. Странно. Месяц назад мне было больно даже думать об этом, а сейчас я просто взяла конверт, открыла его слегка дрожащими пальцами и пробежала глазами строчки.

«Расторгнуть брак между...»

Дальше можно было не читать.

— Всё, — сказала я тихо. — Теперь я официально свободная женщина.

Агата смотрела на меня с тревогой, готовая в любой момент подбежать и обнять, если я начну плакать. Но я не плакала. Я аккуратно сложила документ обратно в конверт, положила его на полку в прихожей и пошла на кухню мыть мандарины.

— Тай, ты как? — осторожно спросила сестра, заходя следом.

— Нормально, — ответила я, и, к своему удивлению, не соврала. — Честно, нормально. Даже легче стало. Понимаешь? Эта неопределённость, этот подвешенный статус... Они давили. А теперь точка поставлена. Можно жить дальше.

Агата внимательно посмотрела на меня и, видимо, убедившись, что я не вру, согласно кивнула.

— Вот и правильно. Налей и мне чаю.

Мы пили чай, ели мандарины, обсуждали моё очередное УЗИ (ребёнок развивался здоровым, что не могло не радовать) и планы на Новый год. Жизнь налаживалась. Пусть медленно, пусть со скрипом, но налаживалась.

Работа отнимала много сил, но это было именно то, что мне нужно в данный момент. К концу дня я валилась с ног и засыпала мгновенно, не успевая думать о прошлом. В выходные мы с Агатой ходили по детским магазинам — пока просто посмотреть, поизучать ассортимент, выбирали кровати и коляски. Я позволяла себе помечтать, представляла, как привезу малыша в свою собственную квартиру...

Своя квартира. Эта мысль засела в голове прочно. Жить у сестры было уютно, хорошо, но я чувствовала, что становлюсь обузой. Агата, конечно, ни за что бы в этом не призналась, но я видела, как она устаёт после работы, как мечтает о личной жизни, но не позволяет себе расслабиться, потому что рядом «беременная сестра, которую нельзя бросать». Я мешала ей. И чем больше проходило времени, тем острее это ощущалось.

Нужно было что-то решать. Но для этого нужны были деньги. А их катастрофически не хватало.

И тут случилось то, чего я совсем не ожидала.

Был обычный день. Я сидела в клинике, заполняла карточки, когда на телефон пришло уведомление из банка. Сумма, которая высветилась на экране, заставила меня протереть глаза и пересчитать нули.

Я моргнула. Потом ещё раз.

Нет, мне не показалось. На мой счёт поступил крупный перевод. Очень крупный. Ровно половина от того, что мы с Макаром когда-то вложили в покупку нашей питерской квартиры.

Следом пришло СМС-сообщение с незнакомого номера. Всего несколько слов:

«Таисия, это Макар. Отправляю половину стоимости за продажу нашей квартиры. Надеюсь, претензий ко мне не имеешь. Будь счастлива».

Я смотрела на экран, и сердце даже не екнуло. Во мне не было ни злости, ни обиды, ни сожаления. Только лёгкое удивление: он всё-таки сделал это. Поделил всё честно, хотя мог бы и не делиться — я ведь уехала сама, ничего не требовала, ни не что не претендовала.

Пальцы сами собой набрали ответ. Короткий, сухой, деловой.

«Деньги получила. Спасибо».

Отправила и отложила телефон в сторону. Я была очень благодарна ему за перевод.

Агата, когда я вечером рассказала ей о переводе, присвистнула.

— Ничего себе, совесть проснулась! — она нахмурилась. — И что, он даже не спросил, как ты, где ты?

— Нет, — я пожала плечами. — И правильно. Зачем? У него своя жизнь, у меня своя. Наверное, у него уже и дочка родилась.

Мы помолчали. Агата смотрела на меня с сомнением, но я была спокойна. Деньги пришли очень вовремя. Теперь я могла думать о покупке жилья всерьёз.

— Ты ими воспользуешься? — спросила сестра.

— Да, — твёрдо ответила я. — Я их потрачу, на квартиру. Хочу небольшую, но свою. Чтобы нам с малышом было где жить.

Агата вздохнула, но промолчала. Она понимала, что этот разговор неизбежен.

И он состоялся через пару дней, когда я за ужином объявила, что нашла подходящий вариант. Однушку в новостройке, с чистовой отделкой, с большими окнами и видом на берёзовую рощу. Присланная сумма как раз укладывалась в покупку квартиры.

— Тая, — Агата отложила вилку и посмотрела на меня с болью в глазах. — Не уезжай. Останься. Как ты одна будешь с ребёнком? Нам же хорошо вместе. Я помогу, я буду нянчиться, я...

— Агата, — я взяла её за руку. — Ты моя самая любимая сестра. Ты спасла меня, вытащила из той чёрной дыры, дала крышу над головой, работу, веру в себя. Я никогда этого не забуду. Но посмотри на меня. Я взрослая женщина, у которой скоро будет ребёнок. Мне нужно учиться жить самостоятельно. И тебе — жить своей жизнью.

— У меня всё хорошо, — упрямо мотнула головой она.

— Правда? — я приподняла бровь. — А где твой мужчина, с которым ты, по твоим словам, встречаешься? Почему ты не приводишь его домой? Потому что стесняешься меня? Потому что думаешь, что я буду чувствовать себя неловко?

Агата открыла рот, чтобы возразить, но я продолжила:

— Я вижу, как ты опекаешь меня. Как переживаешь, как отказываешься от встреч, лишь бы я не сидела одна. Ты жертвуешь собой, Агата. А я не хочу, чтобы ты в чем-то ущемляла себя. Я хочу, чтобы у тебя была своя семья, свои дети, своя любовь. И пока я здесь, этого не случится. Потому что ты слишком ответственная.

— Тай...

— Нет, послушай. Я бесконечно благодарна тебе. Но мне нужно встать на ноги самой. И тебе нужно отпустить меня. Мы будем видеться, я буду приезжать в гости, ты — ко мне. Но нам надо жить отдельно.

Агата молчала. В её глазах блеснули слёзы, но она старалась не плакать. Только смотрела на меня и кусала губы.

— Ты точно справишься? — спросила она наконец шепотом.

— Точно, — я улыбнулась и погладила живот. — Мы справимся. Вдвоём мы — сила.

— Ладно, — Агата выдохнула и вытерла глаза. — Но я буду приезжать к тебе каждые выходные. И кормить тебя борщом. И нянчиться с племянником или племянницей. Имею право!

— Имеешь, — засмеялась я. — Ещё как имеешь.

В тот вечер мы просидели на кухне допоздна. Пили чай, строили планы на будущее, мечтали. Агата рассказала о том самом мужчине — оказалось, он действительно был, и отношения у них продолжались, но она постоянно их тормозила, боясь оставить меня одну. Я слушала и радовалась, что приняла правильное решение.

Через неделю я подписала договор на куплю-продажу квартиры. Ещё через две получила ключи от неё.

После работы я поехала в новую квартиру. Я ходила по ней и млела от радости. Она была небольшая, но моя. С панорамными окнами, с видом на берёзовую рощу, с пока ещё пустыми комнатами, которые предстояло заставить мебелью. Я стояла посреди гостиной, гладила свой живот и чувствовала, как внутри разливается тепло.

— Ну что, малыш, — прошептала я. — Это наш дом, где начнется наша совместная с тобой жизнь. Здесь мы будем счастливы. Обязательно будем.

Телефон пиликнул. Я машинально глянула на экран — рекламная рассылка. Никаких больше сообщений от Макара не приходило. Да и не должны были. Та глава жизни закрылась навсегда.

Я убрала телефон в карман и подошла к окну. За стеклом кружился снег, падал на ветви берёз, укутывая город белым одеялом. Где-то там, далеко, в Питере, у Макара теперь другая жизнь. Другая семья.

А здесь, в Новосибирске, начиналась моя жизнь. Моя и моего малыша. И пусть она будет трудной, пусть придётся многому учиться и многое преодолевать — я справлюсь. Потому что я сильная. Потому что я будущая мать. Потому что у меня есть ради кого жить.

Я положила ладонь на живот и улыбнулась.

— Мы справимся, малыш. Обязательно справимся.

За окнами падал снег. А в моём сердце впервые за долгое время было тихо и спокойно.

Вот пятая глава, продолжающая историю Таисии.

Глава 5.

Поздней и холодной выдалась весна в Новосибирске. Снег таял нехотя, обнажая промерзлую землю. И только к середине апреля на берёзах за моим окном набухли первые почки. Каждое утро я смотрела на них, попивая травяной чай, и ощущала, как внутри меня тоже зреет новая жизнь.

Беременность протекала удивительно легко. Врач в женской консультации, немолодая женщина с добрыми глазами и усталым голосом, только умилялась, глядя на меня :

— Золото, а не пациентка. Ни токсикоза, ни отёков, ни высокого давления. И все анализы как у космонавта. Вам бы всех будущих мам лечить своим примером.

Я улыбалась в ответ, гладила округлившийся живот и думала: это мой малыш бережёт меня. Чувствует, как мне сейчас нужны силы, и не доставляет лишних хлопот.

Работа в клинике стала моим спасательным кругом. Ирина Сергеевна, узнав о моём положении, только всплеснула руками:

— Таечка, золотце моё, чего ж ты молчала? Сидишь тут, носишься с карточками, а у самой вон скоро прибавление! Давай мы переводим тебя на более лёгкий труд.

Меня перевели на полдня, но платили по-прежнему. Я подозревала, что без участия Ирины Сергеевны тут не обошлось, и была ей бесконечно благодарна. Агата ворчала, что я слишком много работаю, но я не могла иначе. Сидеть дома в четырёх стенах, смотреть в окно и предаваться мыслями о прошлом — нет, это было не для меня.

Квартира постепенно наполнялась мебелью. Я купила диван, стол, стулья — все самое необходимое. А потом началось самая приятная часть ремонта : комната для малыша. Я выбрала для неё нежно-зелёные обои, с мелким рисунком из листочков. Поставила белую кроватку с балдахином, купила комод, на который сразу водрузила армию мягких игрушек — подарок Агаты.

— Ты с ума сошла, — смеялась я, разбирая пакеты. — Ему же ещё полгода как минимум будет всё равно на этих зайцев!

— Ничего не знаю, — упрямо отвечала сестра. — Пусть лежат. Создают уют. И вообще, ты мне не указывай, я будущая крёстная и имею право баловать ребёнка с пелёнок.

Мы поссорились на тему того, кого я возьму в крёстные. Я, конечно, никого другого и не рассматривала.

На двадцать второй неделе я пошла на второе плановое УЗИ. Лежала на кушетке, смотрела, как водит датчиком по животу молоденькая врач, и боялась дышать. Врач что-то помечала в журнале, водила датчиком по животу, а потом вдруг улыбнулась и повернула монитор так, чтобы мне было видно.

— Ну что, мамочка, — сказала она весело. — Хотите узнать пол ребенка ?

Я судорожно кивнула. Честно говоря, мне было всё равно. Мальчик, девочка — лишь бы был здоровенький. Но любопытство было сильнее меня, конечно, я не удержалась и утвердительно кивнула.

— Смотрите внимательно, — она ткнула пальцем в экран, где среди мельтешащих серых теней я с трудом различала очертания малыша. — Видите? Это мальчик. У вас будет сын.

Сын.

Слово повисло в воздухе, наполнило комнату каким-то особенным светом. Я смотрела на экран, на крошечного человечка, и чувствовала, как к горлу подкатывает ком от счастья. Такого огромного, всепоглощающего счастья, что, казалось, ещё немного — и я просто лопну, как мыльный пузырь.

— Мальчик... — повторила я шёпотом, пробуя слово на вкус. — У меня будет сын.

Врач понимающе улыбнулась и продолжила осмотр, а я лежала и смотрела на экран, не в силах отвести от него взгляд. Мой сын. Маленький, беззащитный, целиком и полностью зависящий от меня.

Вечером я позвонила Агате.

— У меня будет сын, — выпалила я, едва услышав её голос.

В трубке повисла минутная тишина, а потом раздался такой визг, что мне пришлось отодвинуть телефон от уха.

— Мальчик! — орала Агата. — Боже мой, мальчик! Тайка, я сейчас к тебе приеду! Сиди и жди меня! Нам нужно это обязательно отметить! Безалкогольным шампанским, но отметить!

Она примчалась через полчаса, с тортом, соками и огромным плюшевым мишкой в синем комбинезончике. Мы сидели на кухне, пили сок из бокалов для шампанского, ели торт и строили планы.

— Значит так, — командовала Агата. — Имя будем выбирать вместе. И чтоб никаких там дурацких вариантов. Серёжа, Саша, Дима :это все банально. Надо выбрать что-то особенное для любимого племянника.

— Давай не сейчас, — смеялась я. — Ещё три месяца впереди.

Но Агату было не остановить. Она листала какие-то сайты с именами в интернете, зачитывала вслух самые невероятные имена, а я хохотала, держась за живот. Малыш, кажется, тоже веселился — толкался ножками, будто радовался нашему хорошему настроению.

— Ой, забыла тебе рассказать, — вдруг сказала Агата, откладывая телефон. — Я ж тебе не говорила? Мне вчера звонила наша общая знакомая из Питера, помнишь Таню из параллельного класса? Она была еще на вашей свадьбе. Она же замуж вышла и уехала в Питер.

— Помню, — кивнула я, насторожившись. — И что?

— Ну, она про тебя спрашивала. Как ты живешь, где ты, как устроилась. Я, конечно, ничего лишнего не сказала, просто что ты в сейчас в Новосибе, работаешь, все у тебя хорошо. А она говорит, что видела Макара, знает, что вы с ним развелись, он сам ей об этом рассказал при встрече. И что у него недавно родилась дочь.

Я замерла с бокалом в руке. В груди неприятно кольнуло — было уже не больно, скорее неприятно, как будто заноза, о которой ты уже забыла, вдруг напомнила о себе.

— Дочка, — повторила я машинально. — Ну да, они же девочку ждали.

— Тай, прости, может, не стоило тебе об этом рассказывать...

— Всё нормально, — я поставила бокал и пожала плечами. — Я же знала, что это когда-нибудь случится. Рано или поздно. Пусть живут и радуются, дети -это счастье.

Агата внимательно посмотрела на меня и, видимо, удовлетворившись увиденным, продолжила:

— А ещё Лена сказала, что он про тебя расспрашивал. Прямо выспрашивал подробности: как ты, где ты, чем занимаешься, одна ли живёшь.

Сердце пропустило удар, но я постаралась не подавать виду.

— И что ты ей ответила?

— А что я могла ответить? Сказала, что работаешь в стоматологии, живёшь в своей квартире. И что пока одна. Про ребёнка, естественно, я и слова не сказала.

— Правильно, — я отрезала кусочек торта, хотя аппетит вдруг пропал. — Ему это знать ни к чему. У него теперь своя семья.

— Вот и я так думаю, — кивнула Агата. — Ты только не переживай. Просто я решила тебе рассказать для сведения.

— Спасибо, — я улыбнулась, прогоняя непрошенные мысли. — Давай лучше продолжим выбирать имена. Какие еще у тебя варианты?

Мы снова углубились в обсуждение, и тема Макара была благополучно забыта. Во всяком случае, вслух мы об этом больше не говорили. Внутри же меня что-то шевельнулось. Я вдруг подумала о том, что правильно ли я поступаю, не рассказав Макару о сыне

Но я тут же одёрнула себя. Нет. Это мое взвешенное решение. И оно правильное. Макар сделал свой выбор, когда завёл другую семью. А я сделала свой — выращу сына одна. Достоинно, честно, с любовью. И ему не нужен отец, который однажды уже предал.

Через пару дней был мой день рождения. Мне исполнилось тридцать два года. Странно, но в этот раз я совсем не грустила, не подводила итоги и не жалела о прошлом. Вместе с Агатой мы накрыли небольшой стол, пригласили Ирину Сергеевну и пару девчонок с работы. Было шумно, весело и по-домашнему уютно.

Агата вручила мне огромный букет хризантем и сертификат в магазин детских товаров. Девчонки подарили смешные ползунки с надписью «Я мамин хвостик» и кучу погремушек.

И только под вечер, когда гости разошлись, а я убирала со стола, в дверь позвонили.

Я удивилась. Агата уехала полчаса назад, у неё были свои ключи. Кто бы это мог быть?

Открыла дверь и замерла.

На пороге стоял курьер с огромным букетом пионов. Нежно-розовых, пышных, невероятно красивых. Тех самых, что я всегда любила. В Питере Макар часто дарил мне именно пионы, зная, что это мои любимые.

— Таисия? — спросил курьер, сверяясь с накладной. — Распишитесь, пожалуйста.

Я машинально поставила подпись, взяла букет и закрыла дверь. Руки дрожали. Я судорожно рассматривала букет в поисках записки. Но её не было. Ни открытки, ни визитки, ни клочка бумаги.

Я поставила его в вазу, долго смотрела на нежные лепестки, вдыхала пьянящий аромат. В голове крутилась только одна мысль: это прислал Макар. Конечно, он. Кто ещё мог знать, что я обожаю пионы? Он всегда присылал цветы без записки.

Агата, когда я позвонила ей, только вздохнула.

— И что ты об этом думаешь?

— Не знаю, — честно ответила я. — Думаю, что это Макар. Лена же сказала, что он про меня расспрашивал. Узнал у нее мой адрес, наверное. Вот и прислал.

— А записка есть?

— Нет, записки нет. Вообще ничего.

— Странно, — протянула Агата. — И зачем тогда прислать цветы, если даже пары слов не можешь написать?

— Не знаю, — ответила я, глядя на пионы. — Наверное просто для того, чтобы сделать приятный подарок. Просто... мы же не совсем чужие люди друг для друга. Прощальный жест, так сказать. Может он решил таким образом попросить еще раз прощения.

— И ты его простишь?

Я долго молчала, глядя на цветы. Красивые. Такие же, как дарил когда-то. Но время изменилось. И я изменилась.

— Нет, — сказала я наконец. — Я никогда не смогу простить ему того, что он не сказал мне правду. Цветы простоят сколько простоят, а потом засохнут. Как и всё, что было между нами. У меня теперь другая жизнь. И в ней нет места для Макара.

— Умница, — в голосе Агаты слышалось одобрение. — Правильно. Нечего прошлое ворошить.

Рука сама собой легла на живот. Малыш тут же отозвался толчком, будто соглашаясь со мной.

— Мы справимся, сынок, — прошептала я. — У нас всё будет хорошо. Обязательно.

Пионы стояли на столе, наполняя комнату ароматом, который напоминал о прошлом. А я сидела на диване, пила чай и думала о будущем. О сыне, который вот-вот появится на свет. О том, как научу его всему, что умею сама. О том, что он вырастет достойным человеком, несмотря на то, что будет расти без отца.

И пусть Макар никогда не узнает о нём. Он счастлив, у него своя жизнь, свой ребенок. А у меня будет мой сын. И это то, что никто и никогда у меня не отнимет.

А цветы... Цветы скоро засохнут. Как когда-то засохла наша любовь

Я встала, подошла к букету, поправила несколько стеблей и улыбнулась.

— Спасибо за цветы, Макар, — сказала я тихо. — Но это ничего не меняет.

И пошла готовиться ко сну. Завтра будет новый день. День, в котором не было места прошлому. Только настоящему и будущему.

Вот шестая глава, завершающая эту историю.

Глава 6.

Последние недели беременности тянулись бесконечно долго. Казалось, время специально замедлило свой бег, испытывая мои нервы на прочность. Живот вырос до невероятных, как мне казалось, размеров, и я с трудом находила удобное положение для сна. Малыш, мой будущий богатырь, ворочался, толкался руками и ногами, словно торопил момент нашей встречи.

Агата, получившая статус «официальной крёстной» и исполняющая свои обязанности с фанатизмом, приезжала ко мне каждые выходные. Мы перестирали и перегладили все пелёнки и распашонки раз по десять, перебрали игрушки и до хрипоты спорили о том, какой именно марки должна быть коляска.

— Я тебе говорю, эти колёса для сибирских тротуаров не подходят! — горячилась она, тыкая пальцем в планшет. — Вот эти, смотри, с амортизацией! Там же рессоры, как у «Ленд Крузера» почти!

— Агата, мы не в джунгли собираемся, а в парк гулять, — смеялась я, поглаживая живот. — Ему рессоры пока ни к чему.

Сестра только отмахивалась и продолжала изучать форумы молодых мам с таким видом, будто готовилась защитить диссертацию. Я была ей бесконечно благодарна за эту кипучую деятельность. Её энтузиазм отвлекал меня от мыслей о предстоящих родах, которые, признаться честно, пугали меня до чёртиков.

Ирина Сергеевна отпустила меня в декрет ровно в тридцать недель, как положено по закону. В последний рабочий день коллеги организовали мне небольшой сладкий стол, подали огромный букет цветов и конверт с деньгами — «на первое время».

— Ты главное не бойся, Таечка, — сказала мне на прощание Ирина Сергеевна, обнимая меня своими тёплыми руками.

— Роды — процесс естественный. Природа всё за нас придумала. Ты только слушай врачей и доверяй им. И всё будет хорошо.

Я кивала, улыбалась, но в глубине души страх всё равно сидел колючей занозой. Пять лет я мечтала об этом ребёнке. Пять лет молила судьбу о том, чтобы стать матерью. А теперь, когда чудо почти случилось, я боялась, что в самый ответственный момент что-то пойдёт не так.

Срок мне поставили на четвёртое июня. Я считала дни, отмечая крестиками в календаре, и с ужасом понимала, что их остаётся всё меньше и меньше. Агата, заметив моё состояние, только посмеивалась:

— Ты как на эшафот собралась, честное слово! Все бабы рожают, и ничего, живут дальше. И ты родишь, куда ты денешься.

— Легко тебе говорить, — вздыхала я. — У тебя-то этого не было.

— Ну и что? Зато я насмотрелась на подруг, на сестру двоюродную. Рассказывали что это ужас, конечно, но оно того стоит. Ты же как только сына увидишь — и всё забудешь. Обещаю. Я хотела ей верить. Очень хотела.

И вот наступило первое июня. Тёплый, солнечный, по-настоящему летний день. Я проснулась рано утром от того, что в окно светило яркое солнце, а малыш устроил внутри настоящий футбольный матч.

— Доброе утро, сынок, — прошептала я, поглаживая живот. — Сегодня отличный день. Может, сходим погуляем?

В ответ — серия сильных, почти болезненных толчков. Я поморщилась и села на кровати, пытаюсь отдышаться.

И тут я почувствовала это. Странное, тянущее ощущение внизу живота, которое волной прокатилось от поясницы к животу, а потом вроде отпустило. Я замерла, прислушиваясь к себе. Через пятнадцать минут все повторилось. Ещё через десять — снова.

У меня начались схватки.

Я знала, что они могут быть тренировочными, что их можно перепутать, что до конечного срока ещё три дня. Но внутри меня что-то щёлкнуло, включился материнский инстинкт: пора.

Я набрала Агату.

— Кажется, у меня все началось, — сказала я в трубку ровным голосом, сама удивляясь своему спокойствию.

В ответ раздался такой визг, что мне пришлось отодвинуть телефон от уха.

— Сиди на месте! — заорала сестра. — Я вызываю такси! Собирай сумки! Всё, я выезжаю! Только не рожай без меня, слышишь?!

— Агата, так сразу не рожают, — попыталась успокоить её я. — Это может длиться часами.

— А вдруг у тебя стремительные роды? Вдруг ты не успеешь? Не смей ничего делать без меня! Я уже лечу!

Я улыбнулась, сбросила вызов и медленно, стараясь не делать резких движений, пошла в ванную. Вода немного успокоила, схватки стали реже, но не прекратились окончательно. К тому моменту, когда в дверь влетела взлохмаченная, запыхавшаяся Агата, я была уже одета, причёсана и сидела на сумках в прихожей.

— Ты чего сидишь? — набросилась она на меня. — Всё, поехали!

— Схватки пока не очень сильные, — попыталась объяснить я. — Раз в десять минут. Ещё рано.

— Ничего не рано! В роддоме будет самое оно!

Она схватила один баул, я — второй, и мы, как две партизанки с грузом, вывалились на лестничную площадку.

В приёмном покое было прохладно, пахло лекарствами и стерильной чистотой. Молоденькая медсестра с усталым лицом заполнила мои документы, измерила давление, задала кучу вопросов и наконец скомандовала:

— Раздевайтесь, надевайте вот это, — она протянула мне больничную рубашку и халат. — И садитесь на кресло. Врач сейчас подойдёт.

Агата топталась рядом, как наседка, готовая в любой момент броситься на защиту.

— Вы можете подождать в коридоре, — бросила ей медсестра.

— Я никуда не пойду, — отрезала Агата. — Я с буду ней.

— По правилам ..

— А по-человечески? — сестра сверкнула глазами так, что медсестра почему-то сразу стушевалась и махнула рукой.

— Ладно, оставайтесь. Но в родзал не пущу, если что. Там только мужья могут присутствовать.

— А у неё нет мужа, — отчеканила Агата. — Я буду вместо мужа. Всё, вопрос закрыт. Я смотрела на эту перепалку и чувствовала, как напряжение потихоньку отпускает. С такой поддержкой, как у Агаты, никакие врачи не страшны.

Осмотр показал, что шейка раскрылась на два пальца. Врач, пожилая женщина с седыми волосами, собранными в тугую пучок, посмотрела на меня поверх очков и сказала:

— Ну что, мамочка, рожать будем сегодня. Поздравляю. Переводите ее в предродовую.

Предродовая палата оказалась небольшой светлой комнатой с высоким окном, кушеткой и фитболом в углу. Агату, вопреки её протестам, всё-таки выставили за дверь, пообещав позвать, когда «пойдёт в активную фазу».

Часы тянулись бесконечно. Схватки нарастали. Сначала они были просто неприятными, потом — болезненными, а к вечеру превратились в настоящую пытку. Я металась по палате, хваталась за стены, дышала, как учили на курсах, и считала секунды до окончания каждой схватки.

Акушерка заходила каждые полчаса, проверяла раскрытие, слушала сердцебиение малыша и успокаивающе говорила:

— Всё идёт хорошо. Ещё немного потерпите.

К полуночи я была уже на пределе. Сил почти не осталось, схватки шли одна за другой с минимальными перерывами. Мне казалось, что это никогда не закончится, что я просто умру здесь, на этой холодной кушетке, так и не увидев своего сына.

Врач пришла около часа ночи. Посмотрела, покачала головой и сказала то, от чего у меня внутри всё оборвалось:

— Раскрытие полное. Пора рожать. Постарайтесь собрать все свои силы, ребенок идёт неправильно, ножами вперед. Ставьте делать стимуляцию. А ну-ка, милая, давайте, тужимся!

Я очень старалась. Изо всех сил, до звона в ушах, до красных кругов перед глазами. Но ничего не происходило. Малыш не хотел выходить.

— Не получается, — сквозь зубы процедила врач. — Готовьте операционную. Будем делать экстренное кесарево сечение.

Дальше всё завертелось с бешеной скоростью. Меня переложили на каталку, куда-то повезли. Яркий свет ламп бил в глаза, вокруг суетились люди в зелёных костюмах, кто-то ставил укол руку, потом поставили катетер. Агата мелькнула где-то на заднем плане, выкрикнула: «Тайка, держись!», и её отгеснили назад.

— Считайте до десяти, — сказал анестезиолог, вводя иглу в катетер.

Я считала. Тепло разлилось по телу, нижняя часть туловища онемела. Я перестала чувствовать ноги, живот, всё, что было ниже груди. Это было странное, пугающее ощущение.

— Скальпель, — скомандовал чей-то голос.

Я смотрела в потолок и чувствовала, как внутри меня что-то происходит. Я не чувствовала боли, но чувствовала какие-то движения внутри живота.

— Давление падает! — вдруг закричал кто-то. — Сто сорок на девяносто... сто тридцать... сто двадцать...

— Кровопотеря! Быстро! Зажим!

Голоса звучали всё глуше, будто через толщу воды. Я пыталась сфокусировать взгляд, но картинка расплывалась, меркла на глазах. Свет лампы превратился в маленькую точку, которая быстро удалялась, оставляя после себя лишь черноту.

Последнее, что я услышала перед тем, как провалиться в небытие — чей-то крик:

— Мы теряем её! Остановка сердца!

А потом наступила тишина.

Я плыла. В каком-то бесконечном, тёплом, светлом пространстве. Здесь не было ни боли, ни страха, ни мыслей. Только покой. Абсолютный, всеобъемлющий покой. Мне было так

хорошо, как никогда не было в жизни. Я растворилась в этом свете, стала его частью. И мне совсем не хотелось возвращаться оттуда, откуда я пришла.

— Таисия...

Голос прозвучал откуда-то издалека. Тихий, но настойчивый.

— Таисия, вернись...

Я не хотела возвращаться. Зачем? Там, в той жизни, осталась только боль. Предательство мужа, одиночество, страх перед будущим. А здесь — только свет и покой.

— Сын... твой сын...

Сын.

Слово, как электрический разряд, пронзило моё бестелесное сознание. Сын. Мой мальчик. Тот, кого я ждала пять лет. Тот, кто рос под моим сердцем все эти месяцы. Тот, ради кого я терпела боль, страх.

Он там один. Без меня.

Свет вокруг начал тускнеть, пространство сжиматься. Меня потянуло куда-то назад, в темноту, из которой я только что выбралась.

— Не-е-ет! — закричала я, сопротивляясь. — Я не хочу! Пустите меня к нему!

Тьма сомкнулась надо мной, поглотила целиком. Я задышалась, барахталась, пыталась выплыть, но меня тянуло на дно. А потом вдруг — толчок. Резкий, болезненный, вышибающий дух.

Я открыла глаза.

Надо мной склонилось чьё-то лицо в медицинской маске. Глаза — усталые, но счастливые.

— Очнулась, — выдохнул кто-то. — Молодец. Сердце запустили. Жить будет.

— Сын... — прохрипела я. Губы не слушались, горло саднило, будто я наглоталась песка. — Где мой сын?

— Всё хорошо, мамочка, — лицо в маске улыбнулось глазами. — Сыночек ваш уже родился. Здоровенький, крепенький. Сейчас его обработают и принесут. А вы лежите, не двигайтесь. Операция прошла успешно, но вы потеряли много крови. Мы еле вас откачали.

Я закрыла глаза и заплакала. Слёзы текли по щекам, капали на подушку, но мне было всё равно. Я жива. Мой сын жив. Мы справились.

Меня отвезли в палату интенсивной терапии. Агата появилась через час — заплаканная, с красными глазами, но счастливая.

— Дура ты, Таисия, — заявила она с порога. — Как ты меня напугала, просто ужас. Чуть не умерла от страха! Ты хоть понимаешь, что я чуть не осталась без сестры? Что бы я потом твоему сыну сказала? Что мама улетела и даже не обещала вернуться?

Я слабо улыбнулась. Говорить было трудно: во рту пересохло, голова кружилась.

— Покажи мне его, — прошептала я.

Агата поняла меня сразу. Вышла и через минуту вернулась с медсестрой, которая катила перед собой прозрачную пластиковую кювету. В ней, завернутый в белое одеяльце, лежал мой сын.

Маленький, сморщенный, красный, с забавной чёрной щетинкой на голове. Он спал, смешно сопя крошечным носиком.

— Смотри, они вылитый ты, — шепнула Агата. — Носик твой, губки бантиком. И руки... Господи, какие же у него ручки маленькие...

Я смотрела на него и не могла насмотреться. Тот, из-за кого я пять лет лила слёзы, из-за кого прошла через ад измены и развод, из-за кого чуть не умерла сегодня на операционном столе — лежал сейчас передо мной. И это было самым большим чудом в моей жизни.

— Мой мальчик, — прошептала я, протягивая руку, чтобы коснуться его щёчки. — Здравствуй, сыночек.

Он пошевелился во сне, сморщил носик и вдруг открыл глаза. Совсем чуть-чуть, на секунду. И в этой секунде, в этом мимолётном взгляде новорождённого младенца я увидела всё своё будущее. Всё, ради чего стоило жить.

Агата тихонько всхлипнула рядом, вытирая слёзы.

— Я так испугалась, Тай, — призналась она. — Когда мне сказали, что у тебя сердце остановилось... Я чуть с ума не сошла. Бегала по коридору, молилась всем богам, каких только знала. И ведь я тебя вымолила. Ты вернулась .

— Не могла я не вернуться, — я перевела взгляд на сестру. — У меня же теперь есть он. Есть ради кого возвращаться.

— А я? — обиженно надула губы Агата. — Я, значит, не в счёт?

— И ты, — улыбнулась я. — Вы оба у меня есть.

Медсестра забрала малыша, сказав, что ему пора есть, и оставила нас с Агатой вдвоём.

— Ты будешь смеяться, — вдруг сказала сестра, доставая из сумки телефон. — Но тебе сегодня в квартиру принесли пионы. Тот самый курьер, который приносил тебе их на день рождения.

Я нахмурилась, не понимая, к чему она клонит.

— И что?

— А то, что в этот раз там даже записка есть. Но я не стала ее читать , выпишут из больницы и сама прочитаешь.

Я молчала. Сердце, которое только-только начало биться в нормальном ритме, снова пропустило удар. Макар... Опять? Что ему от меня нужно???

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.